

УДК 82.09

**ПЕЙЗАЖНЫЙ ДИСКУРС В ПАРАДИГМЕ КУЛЬТУРЫ
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: «ЗВЕЗДНЫЙ» МИФ О ПОЭТЕ
ВЯЧ. ИВАНОВА, М. ВОЛОШИНА, Б. ПАСТЕРНАКА**

Остапенко И. В.

**Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия
e-mail: i_ostapenko@mail.ru**

В статье осуществлено сопоставление трех книг лирики ведущих поэтов Серебряного века – Вяч. Иванова, М. Волошина, Б. Пастернака, что позволило выявить типологически сходные черты лирических субъектов и обнаружить их отличия в индивидуально-авторской презентации. Все три лирических субъекта имеют «звездную» природу, обуславливающую путь самореализации. Путь каждого из них формирует корреляция ценностных ориентиров – «Любовь», «Красота», «Познание», «Творчество». Лирический субъект Вяч. Иванова, «титан-звезда», проходит путем восхождения к «Любви» через «Красоту» и нисхождения – к «Творчеству». Лирический субъект М. Волошина, «ангел-звезда», идет путем нисхождения через «Познание» к «Творчеству» и восхождения – к «Любви». Близнецовый «звездный» характер лирического субъекта Б. Пастернака обуславливает сопряженность «Любви» и «Творчества». Проводя своего лирического субъекта через их субстанциальное единство, авторское сознание формирует своего «близнеца» – рецептивное сознание, обуславливающее дискурсивный характер художественного мира. Пейзажный дискурс эволюционирует от презентации образных языков (преимущественно, символа), к маркированию конкретных пространственно-временных координат лирического субъекта, и далее – к выполнению субъектной функции. Природа получает голос и становится автономным субъектом в художественном мире, а читательское сознание через актуализацию смыслов, заложенных в художественном мире авторским сознанием, формирует собственную эстетическую реальность на модальных отношениях дополнительности.

Ключевые слова: лирика, книга лирики, лирический субъект, пейзажный дискурс, «звездный» миф, творчество, образ поэта.

Поэтическое творчество, как всякий художественный мир, таинственно и до конца непостижимо. Филология как наука берет на себя смелость изучения этих миров, осуществляя таким образом попытку приближения к тайне творчества, приобщения читателя к деятельности авторского сознания, способного к продуцированию новой эстетической реальности. Интерес концепированного читателя вызывает не только завершённый художественный мир в его целостности и самобытности, но и процесс его формирования. Практически всякий поэт презентует себя читателю своей первой книгой лирики. И именно в ней, как правило, заложены основные творческие интенции, которые будут реализованы в дальнейшей поэтической деятельности. Но не всегда первые книги поэтов становятся предметом

изучения в силу различных обстоятельств, зачастую авторы сами оставляют их в тени своих зрелых произведений. Филолог же дерзает обратиться именно к истокам творческих замыслов, желая выявить исходные художественные установки, чтобы более адекватно интерпретировать дальнейшие авторские искания.

В данной статье исследовательское внимание сосредоточено на трех книгах лирики известных поэтов Серебряного века, объединенных общей тематикой и довольно разнящихся художественной реализацией. Речь о «Кормчих звездах» (1903) Вяч. Иванова [3], «Звезде Полюнь» (1907) М. Волошина [1], «Близнеце в тучах» (1913) Б. Пастернака [7]. Все три книги являются первыми поэтическими опытами авторов, представляющими целостные художественные миры, у каждой из них своя издательская история, свое место в общем поэтическом наследии. Главное, что типологически связывает эти книги – их программность, они представляют собой поэтические декларации, очерчивающие основные творческие векторы, задающие авторское понимание сущности эстетической деятельности и роли и задач поэта. Во всех трех книгах образ поэта презентован через его «звездную» природу, что позволяет говорить о наличии «звездного мифа», экстраполированного на поэтическое творчество.

Кроме того, природные номинации, формирующие заголовочный комплекс названных книг, актуализируют понятие пейзажного дискурса, который, по нашему мнению, эксплицирует картину мира автора в лирическом художественном мире [6]. Лирический пейзаж в эпоху модальности приобретает дискурсивный характер, поскольку, презентуя в целом диалог человека с природой, обеспечивает встречу авторского и читательского сознания в наиболее архаичном и общем для обоих пространстве природы. Основной груз познавательной деятельности здесь ложится на рецептивное сознание, которому для адекватного раскрытия смыслов, заложенных автором в природных образах, необходимо актуализировать как можно больше имеющихся культурных кодов. Пейзаж в поэзии Серебряного века отнюдь не исчерпывается описательной и выразительной функциями, он становится элементом когнитивных процессов, зарождающихся в творящем сознании и направленных на формирование реципиента как необходимого участника эстетической деятельности.

Исходя из такого понимания поэтического процесса, представляется интересным, как авторы с различными художественными методами вводят пейзажные реалии в свои лирические миры и как это презентует их индивидуально-авторскую картину мира.

Сборник стихотворений Вяч. Иванова «Кормчие звезды» вышел в 1903 году и на нем впервые обозначен жанровый подзаголовок – «Книга лирики», что впоследствии будет отмечено как «главное художественное свершение русского символизма в области формотворчества» [4]. Отметим, что и тексты М. Волошина и Б. Пастернака, к которым мы обращаемся в данном исследовании, также организованы как «книги лирики». Для нас в этом подзаголовке важна родовая характеристика, в контексте которой авторско-геройные отношения трактуются как субъект-субъектные, что позволяет рассматривать природу лирического субъекта книги как презентанта авторского сознания. В целом книга «Кормчие звезды», на содержательном и композиционном уровне, организована единым лирическим метасюжетом, который демонстрирует авторское понимание концепции человека, а в силу лирических субъектных отношений эксплицирует авторский миф о поэте. Разделы книги отражают этапы духовного «путешествия» лирического субъекта под руководством «кормчих звезд».

Первую пейзажную номинацию встречаем уже в названии – «Кормчие звезды». Именно эта природная реалья получает в художественном мире Вяч. Иванова интенциональный смысл, определяет в нем хромотопную, а, значит, и ценностную позицию лирического субъекта в эстетической реальности. Пейзажная номинация, начиная с заглавия, задает символический характер художественной реальности, но в то же время, не исчезает и ее собственно природная сущность – небесного «светила». Корреляция семантики номинаций названия («кормчие звезды») и эпиграф из Данте в переводе Вяч. Иванова («Немногое извне (пещеры) доступно было взору; но чрез то звезды я видел ясными и крупными необычно» [3, с. IV]) задают конкретные пространственные координаты лирического субъекта («пещера»), его взгляд – снизу вверх, «с земли на звездное небо», и направленность его движения – духовную устремленность. Поскольку название текста эксплицирует непосредственно работу авторского сознания, то в позиции лирического субъекта

прочитывается собственно авторская интенция – выбор пути и его ориентиры – «звезды».

Посвящение «Памяти матери», вступительное стихотворение ко всей книге «Вчера во мгле неслись титаны...» включают автобиографический контекст – обращение к матери, предрекшей поэтическое будущее сыну, и семантика «детскости» в номинации лирического субъекта «титаны». Так авторское сознание задает генеалогию своего лирического субъекта – синкретизм как нераздельность-неслиянность земного и небесного.

В субъектную сферу текста, включая одновременно и хронотопный уровень, попадают и пейзажные номинации – названия годичного цикла – «Осень», «тризна летних бурь», «дней незрелых цвет увядший» (весна), а также пространственная номинация «Север» в роли временного маркера. Временные номинации подчеркивают земной характер лирического субъекта. Обратим внимание, в лирическом субъекте, представленном во временной динамике от юности («пламень юности летучей») до зрелости («Пора свершительных отрад») актуализирован путь самореализации человека в универсальном смысле. Но использование прописной буквы в номинации «Осень» может прочитываться и как апелляция к пушкинской «Осени», что вводит лирического субъекта в поэтический дискурс и аллюзивно зажигает одну из «кормчих звезд» на его пути. Это подтверждается появлением соловьевской «Красоты» (заглавие стихотворения и посвящение) в роли «кормчей звезды». Показательно, что встреча с ней произойдет в земном пространстве «Умбрских гор», эксплицирующих земное природное пространство лирического субъекта, где он проходит через эпифаническое переживание. Обратим внимание, лирический субъект Вяч. Иванова представлен изначально как человек, проходящий путем восхождения, встреча с «Красотой» на этом пути обуславливает его обратный путь нисхождения уже как художника, поэта, о чем автор будет размышлять гораздо позже, в статье «О границах искусства» (1913).

Еще одна судьбоносная встреча лирического субъекта состоится в онирической виртуальной реальности, соприродной эстетической, – с «Любовью». У поэта «Любовь» предстает одной из «кормчих», но не в череде других «звезд»-«миров».

«Любовь» здесь является продолжением «Духа», его силой, управляющей «мирами» – «Миры водил Любви кормилом» [3, с. 7]. Лирический субъект на пути с «кормчими звездами», водимыми «Любовью», сам становится «звездой», вбирая и излучая «божественный свет» (стихотворение «Творчество»). Такими же «звездами» предстают «Бетховен», «Орфей», «Прометей», «Пигмалион», «Фидий», «Дант», «Омир». В ряду этих «кормчих звезд» лирический субъект призван осуществить свою миссию, императивно определенную авторским сознанием через внеличную субъектную форму – «Сокровенное Явленьем облеку, / И Несказанное – Глаголом!» [3, с. 38]. Лирический субъект именован здесь «уз разрешителем», вызывающим к жизни «Красоту»: «И Красота встает, дочь золотая волн, / Из гармонического лона» [3, с. 39]; «новым Демидургом», которому «свершить дано / Обетование Природы!» [3, с. 40]. Показательно, что собственно творческая природа поэта осознана Вяч. Ивановым через генетический код лирического субъекта-«титана», рожденного от «матери» «Геи»: «Творящей Матери наследник, воззови / Преображение Вселенной, / И на лице земном напечатлей в любви / Свой Идеал богоявленный!» [3, с. 40], – силой своего духовного «порыва» способного соединить в творчестве «Любовь» и «Красоту».

Пейзажный дискурс в исследуемом разделе книги «Кормчие звезды», начиная с заглавия, выполняет преимущественно символическую функцию. Соединить «Природу» и художественную реальность лирическому субъекту-«поэту» еще только предстоит, чем и определяются его творческие задачи – «Дай кровь Небытию, дай голос Немоте» [3, с. 38]. Лишь однажды пейзажная реальность актуализирует биографический контекст и как пространственная координата лирического субъекта («умбрские горы») через совершенство и красоту природного мира становится местом встречи с «божественным» проявлением («Вижу вас, божественные дали» [3, с. 3]).

С творчеством и личностью Вяч. Иванова тесно связана книга М. Волошина «Звезда-Полынь», основательно проанализированная в диссертационной работе Н. Мирошниченко [5]. Начиная с заглавия «Звезда-Полынь», можно проследить сближения и расхождения двух художественных миров, созданных поэтами, в

реальной жизни связанных перипетиями собственных судеб. Если у Вяч. Иванова в названии «Кормчие звезды» актуализирована семантика пути и направляющей «небесной» силы, то у М. Волошина на первый план выходит личностное начало, в котором «небесное» и «земное», что презентует пейзажный дискурс, предстают в синкретических отношениях тождества. Последовательность презентаций истоков лирического субъекта свидетельствует о первичности его духовной природы. У Вяч. Иванова, напомним, лирический субъект-«титан» также имеет небесно-земную природу, но через генетический код – единства двух начал: духовного и физического, где первое (в заглавии) играет направляющую роль. В волошинском варианте написанием двух номинаций через дефис акцентирована работа авторского сознания по осмыслению семантических связей двух разноприродных понятий.

Образ «Звезды-Полыни» формировался в авторском сознании М. Волошина на протяжении нескольких лет. Из всевозможных трактовок заголовка – христианских, буддистских, эзотерических; размышлений поэта о произведениях искусства; из собственных постижений поэта под влиянием теософского учения и др. (см. подробно [5, с. 68-78]) – формируется образ лирического субъекта «звездного» происхождения, выбирающего путь земного воплощения через «горечь познания» («полынь»). Но «звездную» природу имеет не только перволичный лирический субъект, а и планета Земля, которая прежде также была «звездой», потому и стало возможным написание через дефис, что выявило синкретизм-тождество «земного» и «небесного» в лирическом субъекте.

Цель ивановского лирического субъекта, уже пребывающего на земле, но ретроспективно через онирическую реальность представленного в момент выбора задачи воплощения в земном мире, – достичь «богосознания» и «возвести к сознанию хаос Природы». Лирический субъект М. Волошина (дэва-звезда) изначально соприроден божественному миру, его задача – «одухотворить» материю, освободить ее «звездную» духовную сущность. Но для этого ему на Земле надо пройти путем «познания» материальной жизни, постичь ее законы, «связующие нити», стать самому «плотью» «Матери-Земли», чтобы духовная энергия через него напитала

Землю: «Быть вспаханной землей... И долго ждать, что вот / В меня сойдет, во мне распнется Слово. // Быть Матерью-Землей» [1, с. 26].

Ивановский лирический субъект сосредоточен на духовном пути и его «звездных» «кормчих», в результате он сам, через творчество, становится «звездой» на поэтическом небосклоне, «Демидургом», свершающим «обетование Природы». Это становится для него возможным через восприятие «божественной» Любви, на текстовом уровне – через формирование синкретических отношений с «Любовью», «кормилом» «Духа». Волошинский лирический субъект покидает мир духа – «вечность», попадает в пространство «времени», «разрывы ткани». Его движение, в отличие от ивановского, не «снизу вверх», а «сверху вниз» – «Как ядро к ноге прикован / Шар земной. Свершая путь, / Я не смею, зачарован, / Вниз на звезды заглянуть» [1, с. 11]. Он отлично понимает, что собственных духовных знаний в земном мире недостаточно, его путь на Земле – «путь познания»: «Лампу Психеи несущая в руке – / Синее пламя познания» [1, с. 9]. У него нет «кормчих», свой путь «прохожего» он свершает в «одиночестве». И первое «горькое» познание – «разделенность»: «Мне, который был единым, / Стать отдельным и мужским!» [1, с. 12], что диаметрально противоположно пути ивановского лирического субъекта.

Ивановский лирический субъект, в онтологической реальности готовящийся к «воплощению», «любящий» «мир» и «алкающий» «жить», столкнувшись с пониманием, насколько «Тесна любви единой грань земная» [3, с. 10], просыпается, «возжаждав» «моих небес» «на праге темной жизни». Он пойдет другим путем, выбрав себе в «кормчие» «Любовь» и «Красоту». Лирический субъект М. Волошина сознательно отправляется в земные пределы и лишь констатирует – «Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо» [1, с. 9], его задача – «познать» этот «горький» мир и самому наполниться этой «горечью-познанием».

Ни «Любовь», ни «Красота» в их онтологическом смысле не эксплицированы в «тесном мире» М. Волошина, к ним лирическому субъекту придется идти «горьким» путем «познания» – актуализации духовных знаний для осмысления законов земного бытия (раздел «Stella amara»), драму земной любви трансформировать в творческое

состояние (раздел «Орфей»), и лишь в четвертом разделе «Мистическая роза» через оккультные и христианские знания приблизиться к переживанию собственно «божественной» «Любви». Земная любовь принесет лирическому субъекту страдания, но именно они откроют для него любовь божественную через «Крестный путь» и образ Девы Марии.

Природные номинации, начиная с заглавия, достаточно интенсивно включены в художественный мир книги «Звезда-Полынь». В работе Н. Мирошниченко они описаны как метапейзажный дискурс [5, с. 208]. Метапейзажные номинации выполняют в книге преимущественно символическую функцию. В текстах, где актуализируется поэтическая ипостась лирического субъекта, они могут выполнять функции хронотопных маркеров и образных языков.

Рассмотренные две стратегии авторских сознаний по актуализации «звездной» природы лирического субъекта можно представить как диаметрально противоположные: путь амбивалентной сущности к «звездной» природе (Вяч. Иванов) и путь духовной сущности «ангела-звезды» к «земной» реализации (М. Волошин). Продолжающим данные подходы, но и существенно новым видением воплощения «звездной» природы лирического субъекта предстает художественный мир Б. Пастернака в его книге «Близнец в тучах» (1913). Б. Пастернак, декларирующий отстранение от символизма, в первой книге остается еще во многом на его позициях, но образ поэта в художественном мире автора преодолевает символистские традиции.

В отличие от первых двух проанализированных книг «звездная» природа поэта у Б. Пастернака представлена имплицитно, зато более широкое функционирование получает пейзажный дискурс. Пейзажная номинация «тучи» актуализирует не столько символический пласт значений, сколько реализует новую поэтическую стратегию – введение природных реалий в их прямых значениях в художественный мир. В то же время, на символическом уровне, работает семантика неба как духовного пространства. Но природная функция «туч» состоит как раз в сокрытии небесного простора, что определенным образом найдет свое отражение в характере лирического субъекта. В заголовке через «близнеца» заявлено личностное начало.

Если природу ивановского лирического субъекта можно атрибутировать как нераздельность-неслиянность небесного и земного, волошинского как синкретизм-тождество (см. [5]), то в лирическом субъекте-«близнеце», по определению, наблюдаются отношения дополнительности. Мотив «близнецов» является ведущим в книге, через него и раскрывается сущность лирического субъекта.

Так, начиная уже с первого стихотворения «Эдем», посвященного поэту Н. Асееву, характер лирического субъекта формируется с учетом всей субъектной сферы текста. И внеличная субъектная форма, и лирический «ты» посвящения эксплицируют характер лирического субъекта – поэта, а номинация первого человека «Адама», «ангелов» и, имплицитно, Бога указывают на сущность поэтического в нем – это первая проявленность в человеке божественного начала, которая состоялась в «Эдеме» и длится в «бытии» «времен». В субъектную сферу в дальнейшем будут включены близнецы-Диоскуры – Поллукс и Кастор, которые, в соответствии с мифом, чтобы сохранить бессмертие, меняются своим местом пребывания – на земле и в небе, демонстрируя попеременно свою духовную и физическую природу. В стихотворении «Близнец на корме» через аллюзию на ивановскую книгу «Кормчие звезды» эксплицируется собственно «звездная» природа лирического субъекта. Вводит Б. Пастернак своего лирического субъекта и в контекст «Любви». Но у него она предстает изначально амбивалентной – «божественной» и «земной»: «Ты к чуду чуткость приготовь / И к тайне первых дней: / Курится рубежом любовь / Между землей и ней» [7, с. 326].

И «лиры лабиринт» (поэзия), и «любовь» – видятся в тексте рубежными субстанциями, разделяющими земной и божественный миры. Лирический субъект-«поэт» находится в земном мире, но творческое состояние позволяет ему присутствовать одновременно и в божественном. И именно через творчество поэт познает истинную «любовь» как источник «тайны первых дней», Божественного творческого акта, который, по тексту стихотворения, изоморфен поэтическому творчеству. Поэзия как творческий труд не противопоставляется любви, а ею обуславливается. Поэт должен уподобиться Богу в Любви к миру, тогда его творческий труд состоится, озарение станет источником созидания нового мира.

Таким образом, стихотворение «Эдем» является прологом к новому художественному миру, созданному авторским сознанием из любви к нему. Природные номинации здесь являются созидательным материалом для начала построения художественного мира книги.

Стихотворение «Лесное», следующее за «Эдемом», как нельзя лучше демонстрирует интенцию любви поэта-творца к созданному им миру, растворение в нем и наполнение мира собою. Данный текст эксплицирует одну из ведущих черт лирики эпохи модальности – авторско-субъектный и субъектно-образный неосинкретизм. Лирическое «я», презентующее авторское сознание, субстанциально родственно природному миру. Природа и человек имеют общее происхождение, как это было заявлено в стихотворении «Эдем». И «лес», и человек произрастают из земли. Человек, созданный из «земли», но по образу Бога, адресует ей ту божественную любовь, продуктом деятельности которой он стал. Стихотворение на содержательном уровне впервые презентует эстетическую декларацию Б. Пастернака – поэт становится «голосом» «немного» мира природы, вдыхает в него жизнь. Произведение также развивает тему «близнеца». Если в «Эдеме» эксплицирован «другой» «ты» – «близнец»-«поэт» лирического «я», то во втором стихотворении таким «близнецом» становится «лес» и шире – вся «природа». В дальнейшем «близнечные» отношения у лирического субъекта Б. Пастернака распространятся и на культурный мир, городской и урбанистический. Поэтическую декларацию Вяч. Иванова – «возведу / К сознанию хаос Природы» Б. Пастернак реализует в полной мере.

Сюжет же книги в целом был направлен на формирование мотива и поиск адресата творческого процесса. Адресатом становится «причудник»-«город», читатель, соединивший противоположные начала – «зарю сочетавший с пургой» – человеческое и божественное. Мотивом стало стремление к целостности, обрести которую возможно через взаимоотдачу – «на двое». Такая взаимная жертвенность – безусловна, основана на понимании любви как божественного присутствия в человеке. Именно она, любовь, дает лирическому субъекту творческое вдохновение, обеспечивает его созидательный путь.

Благодаря актуализации в художественном мире книги «Близнец в тучах» принципа синкретизма, охватывающего все уровни текста, авторское сознание формирует новые способы функционирования природных номинаций в тексте. Субъектный синкретизм позволяет вводить пейзажные реалии с субъектную сферу текста, далее авторское сознание природным образам дает полноценный голос, природа не просто олицетворяется, а становится автономным и самостоятельным субъектом-«другим», находящимся с перволичным субъектом в диалогических отношениях. Авторское сознание формирует лирического субъекта-«поэта», наделяя его творческой эманацией, рождающейся из любви к миру. Поэзия и любовь перетекают друг в друга и обеспечивают творческий акт. В нем природа, трансформированная в пейзаж, становится полноправным лирическим «другим», откликающимся на переживание перволичного субъекта, но не только.

У Б. Пастернака природа может быть и источником, из которого авторское сознание формирует внутренние состояния лирического субъекта. Более того, природа у поэта снабжает перволичного лирического субъекта средствами преодоления внутренних перипетий. В то же время, лирический перволичный субъект откликается на проблемы природного мира и приходит ему на помощь. Развивая символистский принцип «соответствия», Б. Пастернак экстраполирует законы природного мира на урбанистический.

Номинации городской природы и урбанистических реалий использованы авторским сознанием для сотворения нового модернистского художественного мира, где «всё» связано со «всем», где лирический субъект синкретически связан с природным и культурным миром. Все субъектные формы, в том числе, природные и урбанистические, приобретают у поэта автономность и находятся друг с другом в паритетных отношениях. Кроме того, природные номинации у Б. Пастернака выполняют дискурсивную функцию. Во-первых, каждая пейзажная реалья в читательском сознании помимо прямого значения актуализирует мифологические и символические смыслы, которые по-разному воспринимаются реципиентом. А во-вторых, весь сюжет книги разворачивается с целью формирования адресантом – «сердцем» («поэтом») своего «близнеца»-адресата, которым становится «спутник»,

«город» – то есть, «читатель». «Город» создан авторским сознанием по аналогии с природным миром. «Город»-читатель является и «другим» на субъектном уровне текста, то есть, принадлежит тексту книги, но он же представляет собой и собственно «завершение» эстетического события – создание адресата-читателя, что и является целью творческого поэтического акта. Пейзажный дискурс, таким образом, в книге Б. Пастернака «Близнец в тучах» позволяет выявить стратегии авторского сознания, которые впоследствии станут ведущими у поэта – формирование эстетической реальности, имманентной провиденциальному читателю.

Таким образом, сопоставление трех книг лирики ведущих поэтов Серебряного века – Вяч. Иванова, М. Волошина, Б. Пастернака – позволило выявить типологически сходные черты лирических субъектов и обнаружить их отличия в индивидуально-авторской презентации. Все три лирических субъекта имеют «звездную» природу, обуславливающую путь самореализации. Путь каждого из них формирует корреляция ценностных ориентиров – «Любовь», «Красота», «Познание», «Творчество». Лирический субъект Вяч. Иванова, «титан-звезда», проходит путем восхождения к «Любви» через «Красоту» и нисхождения – к «Творчеству». Лирический субъект М. Волошина, «ангел-звезда», идет путем нисхождения через «Познание» к «Творчеству» и восхождения – к «Любви». Близнецовый «звездный» характер лирического субъекта Б. Пастернака обуславливает соприсродность «Любви» и «Творчества». Проводя своего лирического субъекта через их субстанциальное единство, авторское сознание формирует своего «близнеца» – рецептивное сознание, обуславливающее дискурсивный характер художественного мира. Пейзажный дискурс эволюционирует от презентации образных языков (преимущественно, символа), к маркированию конкретных пространственно-временных координат лирического субъекта, и далее – к выполнению субъектной функции. Природа получает голос и становится автономным субъектом в художественном мире, а читательское сознание через актуализацию смыслов, заложенных в художественном мире авторским сознанием, формирует собственную эстетическую реальность на модальных отношениях дополнительности.

Список литературы

1. Волошин М. А. Звезда-Полынь / М. А. Волошин ; Предисл. Н. М. Мирошниченко. – Харьков : ООО «Золотые страницы», 2013. – 70 с. + вкладыш-предисловие 24 с.
2. Гаспаров М.Л., Поливанов К.М. «Близнец в тучах» Бориса Пастернака: опыт комментария / Чтения по истории и теории культуры. Вып. 47. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2005. 143 с. Режим доступа <http://ivgi.rsuh.ru/article.html?id=51050>
3. Иванов Вячеслав. Кормчие звезды. Книга Лирики / Вячеслав Иванов. – С.-Петербург, 1903. – 380 с. Режим доступа: http://rvb.ru/ivanov/2_lifetime/kz/005.htm
4. Котрелев Н. В. ”Видеть” и “ведать” у Вячеслава Иванова (Из материалов к комментарию на корпус лирики) // Вячеслав Иванов – творчество и судьба: К 125-летию со дня рождения. – М., 2002. – С.7–18.
5. Мирошниченко Н.М. Эволюция авторского сознания в ранней лирике М. Волошина : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02 / Н. М. Мирошниченко. – Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского.– Симферополь, 2014. – 233 с.
6. Остапенко И.В. Пейзажный дискурс как картина мира в русской лирике 1960–1980-х годов. : Дисс. ... докт. филол. н. : 10.01.02. / Остапенко Ирина Владимировна ; Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского. – Симферополь, 2013. – 530 с.
7. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений: В 11 т. Т I: Стихотворения и поэмы 1912-1931 / Сост. и коммент. Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак; предисл. Л. С. Флейшмана. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2003. - 576 с.
8. Федотова С. В. Поэтология Вячеслава Иванова: монография / Светлана Федотова – Тамбов: ТОГОАУ ДПО «ИПКРО», 2012. – 293 с.

LANDSCAPE DISCOURSE IN THE PARADIGM OF SILVER AGE CULTURE:

THE “STAR” MYTH OF POET BY VYACH. IVANOV, M. VOLOSHIN, B.

PASTERNAK

I.V. Ostapenko

Summary. The author compares three books of lyrics of the leading poets of the Silver Age, Vyach. Ivanov, M. Voloshin, B. Pasternak, which made it possible to identify typologically similar features of lyrical subjects and to detect their differences in the individual-author presentation. All three lyric subjects have a “star” nature, which determines the path of self-realization. The path of each of them forms a correlation of value orientations: “Love”, “Beauty”, “Cognition”, Creativity”. Vyach. Ivanov’s lyrical subject, the “titan-star”, passes by the ascent to “Love” through “Beauty” and by descent to “Creativity”. The lyrical subject of M. Voloshin, the “angel-star”, goes by descending through “Cognition” to “Creativity” and ascension to “Love”. The “twin-star” character of lyric subject B. Pasternak determines the co-nature of “Love” and “Creativity”. Conducting his lyrical subject through their substantial unity, the author’s consciousness forms its “twin”, receptive consciousness, which determines the discursive nature of the artistic world. Landscape discourse evolves from the presentation of figurative languages (predominantly, the symbol), to marking specific space-time coordinates of the lyric subject, and further to the performance of the subjective function. Nature receives a voice and becomes an autonomous subject in the artistic world, and the reader’s consciousness through the actualization of meanings embedded in the artistic world by the author’s consciousness, forms its own aesthetic reality on the modal complementarity relations.

Keywords: lyrics, lyric book, lyrical subject, landscape discourse, “star” myth, creativity, image of the poet.

References

1. Voloshin M. A. *Zvezda-Polyn'* [Star-wormwood]. Khar'kov: Zolotye Stranitsy Publ., 2013. 70 p.
2. Gasparov M. L., Polivanov K.M. «*Bliznets v Tuchakh*» *Borisa Pasternaka: Opyt Kommentariya* [Twin in the Clouds by Boris Pasternak: Experience of Commentary]. *Chteniya po Istorii i Teorii Kul'tury*. № 47. M.: RGGU Publ., 2005. 143 p. Available at: <http://ivgi.rsuh.ru/article.html?id=51050>.
3. Ivanov Vyacheslav. *Kormchiye zvezdy*. [Pilot stars]. S.-Petersburg, 1903. 380 p. Available at: http://rvb.ru/ivanov/2_lifetime/kz/005.htm.
4. Kotrelev N. V. «*Videt'*» i «*Vedat'*» u *Vyacheslava Ivanova (Iz Materialov k Kommentariyu na Korpus Liriki)* [“Seeing” and “Knowing” in Vyacheslav Ivanov Works (From the Materials to the Commentary on the Corpus of Lyrics)]. *Vyacheslav Ivanov – Works and Fate: On the 125th Anniversary*. M., 2002. Pp.7–18.
5. Miroshnichenko N. M. *Evolyutsiya Avtorskogo Soznaniya v Ranney Lirike M. Voloshina: Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Evolution of the Author's Consciousness in the Early Lyrics of M.Voloshin]. Simferopol', 2014. 233 p.

6. Ostapenko I. V. *Peizazhnyi Diskurs kak Kartina Mira v Russkoi Lirike 1960–1980 Godov: Diss. ... Dokt. Filol. Nauk* [Landscape Discourse as a Picture of the World in Russian Lyrics of the 1960s-1980s]. Simferopol, 2013. 530 p.
7. Pasternak B. L. *Polnoye Sobraniye Sochinenii: V 11 Tomakh. Tom I: Stikhotvoreniya i Ppemy 1912-1931* [Complete Works: In 11 Vols. Vol. I: Poems of 1912 –1931]. M.: SLOVO/SLOVO Publ., 2003. 576 p.
8. Fedotova S. V. *Poetologiya Vyacheslava Ivanova* [Poetology of Vyacheslav Ivanov]. Tambov: IPKRO Publ., 2012. 293 p.